

Ижевско-воткинское восстание: история, проблемы изучения и восприятия

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
Ижевск, 19 декабря 2006 года

Ижевск 2008

ГОУ ВПО Удмуртский государственный университет
Администрация г. Ижевска
УРОО «Увековечивание памяти Ижевска-Воткинского
восстания «Ижевский завод»

ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКОЕ ВОССТАНИЕ: ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
Ижевск, 19 декабря 2006 года

Ижевск
2008

УДК 94(470.51) «1918»
ББК 63.3(2)612-414.8я431
ИЗ12

Редакционная коллегия:

***С.В. Протазанов, П.Н. Дмитриев,
Е.П. Кузнецов, Л.Г. Корепанова,
В.А. Крюков, М.Ю. Малышев***

*Составление и общая редакция:
П.Н. Дмитриев, Е.П. Кузнецов*

ИЗ12 Ижевско-Воткинское восстание: история, проблемы изучения и восприятия: мат. Всерос. науч.-практ. конф., 19 декабря 2006 года / Сост. и общ. ред. П.Н. Дмитриев и Е.П. Кузнецов. – Ижевск: КнигоГрад, 2008. – 150 с.

ISBN 978-5-9631-0043-1

В сборник включены статьи историков и краеведов, освещающие различные аспекты истории Ижевско-Воткинского восстания 1918 года. Представленные материалы отражают подчас противоположные позиции авторов, что придает этим публикациям остродискуссионный характер. Для историков и широкого круга читателей, интересующихся историей гражданской войны в России и Удмуртии.

УДК 94(470.51) «1918»
ББК 63.3(2)612-414.8я431

ISBN 978-5-9631-0043-1

© Авторы, 2008
© Оформление издательство
«КнигоГрад», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 5

Раздел 1. Теоретико-методологические и историографические аспекты истории Ижевско-Воткинского восстания 7

Дмитриев П. Н. (Ижевск)

Актуальные проблемы истории мятежа в Ижевско-Воткинском районе в 1918 г. 7

Кобзев И. И. (Ижевск)

Ижевско-воткинское восстание: интеллигенция и рабочие 17

Кузнецов Е. П. (Ижевск)

Современная мифология Ижевско-Воткинского восстания.

Гражданская война тоже может быть холодной 24

Никулина Т. Е. (Ижевск)

Ижевско-Воткинский мятеж: нравственные уроки истории 31

Пономаренко Ж. А. (Мурманск)

Политическая активность мурманских рабочих в 1916–1918 гг. 35

Родионов Н. А. (Ижевск)

Итоги и проблемы изучения истории уральско-удмуртской группы российской эмиграции 43

Чураков Д. О. (Москва)

«Рабочая» политика в восставшем Прикамье 49

Шумилов Е. Ф. (Ижевск)

Мифы и реалии Ижевского восстания 54

Раздел 2. Канун и ход восстания в регионах Удмуртии.

Судьба военных повстанческих формирований 66

Бабикова З. И., Колчина Л. П. (Ижевск)

Семья Бабиковых в период ижевско-воткинского восстания 66

Гаевский Э. И. (Воткинск)

Медико-санитарная организация Воткинской Народной армии 70

Иванова Т. А. (Воткинск)

Судьба генерала 72

<i>Козлова Д. А. (Сарапул)</i>	
Михаил Вольф. Одно из дел Тройки	74
<i>Котова Л. В. (Ижевск)</i>	
Сарапульский Совдеп весной и летом 1918 года	77
<i>Лекомцев В. Г. (Воткинск)</i>	
Обстановка на Воткинском заводе накануне восстания	95
<i>Мясников И. П. (Вавож)</i>	
Кулацкая контрреволюция» или крестьянское восстание	102
<i>Простнев С. К. (Воткинск)</i>	
Создание и боевая деятельность формирований Народной армии	
Прикомуча. Воткинский (отдельный) конный дивизион	119
<i>Ренев Е. Г. (Ижевск)</i>	
Кремлевское дело	127
<i>Шепталин А. А. (Сарапул)</i>	
Сарапул и Ижевско-Воткинское восстание	134
Приложения	141
<i>Простнев С. К.</i>	
Из Забайкальских походов воткинцев	141
<i>Ренев Е. Г.</i>	
Поэзия Ижевского восстания	145

Кобзев И. И. (Ижевск)

ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКОЕ ВОССТАНИЕ: ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РАБОЧИЕ

Академик Д. С. Лихачев в документальном фильме «Власть соловецкая» отмечал, что октябрьская революция была направлена в первую очередь против интеллигенции, как носителей культуры. Но отразилась на всех социальных группах России.

Сигнал к штурму Петербурга — столицы русской интеллигенции был дан крейсером «Аврора». В следующем 1918 году 14 орудий «Авроры» были сняты с крейсера и переданы на вооружение Камско-Волжской флотилии, посланной на подавление Ижевско-Воткинского восстания. Возглавил ее мичман, взявший революционный псевдоним из «Преступления и наказания» Достоевского — Ф. Раскольников (один из прототипов Растрельникова в главном романе XX века о гражданской войне и судьбах интеллигенции — «Докторе Живаго» Б. Л. Пастернака). А основал флотилию балтийский матрос Маркин, погибший на корабле близ камского устья реки Иж, под Пьяным (в советское время Красным) бором, где краснофлотцы обнаружили самые дальние от Ижевска огневые точки повстанцев в числе «150 офицеров, 150 чел. ижевских рабочих... и добровольцев-интеллигентов разного сброда».¹

В этом документе времен восстания говорится, что ижевские рабочие, офицеры и интеллигенция сражались против красных вместе. В 1939 году необычным союзом интеллигенции, офицеров и рабочих против красных заинтересовался А. Н. Толстой. Он был ярким представителем интеллигентской идеологии «сменеховства» (идеологии внутренних противников и в то же время вынужденных сотрудников большевиков, которой в той или иной степени отдала долг почти вся творческая, техническая и военная интеллигенция, жившая в то время в СССР). Воткинский инженер И. А. Добровольский вспоминал о разговоре с писателем на пароходе воткинского производства революционного 1917 года «Память Вахитова», бывшего «Князь Михаил Тверской»: «Драматическая и необычная судьба рабочих и интеллигенции в те годы представляла большой интерес, как он сказал, для писателя, истории, психологии революционного движения... Он говорил, что социальный фон, интеллектуальность Ижевско-Воткинского восстания резко выделяла его от тамбовского и казачьего, по существу чисто крестьянских — против продразверстки и передела земли. Мне запомнилась фраза, сказанная писателем при прощании с нами: «К сожалению, Воткинск пока еще не нашел своего Шолохова»².

Толстой по собственному опыту знал, что костяк Белой Армии и русской эмиграции составляли не рабочие, а интеллигенция, к ней относился он сам и его родные: «Я представляю из себя натуральный тип русского

эмигранта, то есть человека, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. Я ненавидел большевиков физически... В эти годы погибли два моих родных брата, один зарублен, другой умер от ран, расстреляны двое моих дядей... Мне было за что ненавидеть». Одного из Толстых красные убили в июле 1918 года в Сарапуле на «барже смерти», мертвого кадета Толстого бросили ночью в Каму. Значит, поездка А. Н. Толстого по Каме в 1939 году, тоже в июле месяце, могла иметь не только литературные причины подготовки материалов для романа «Хождение по мукам».

Летом 1918 года в Ижевск, Воткинск и живописные прикамские уголки в связи с голодом в Петрограде и Москве и революционного развала армии приехали за продовольствием или на отдых — в отпуск или на лечение — сотни офицеров, среди них была и столичная интеллигенция, в том числе литераторы. Здесь, как и на благодатном юге, цены на продовольствие, особенно на хлеб, были значительно ниже, чем в Петрограде и Москве, а дачу где-нибудь на Каме можно было снять почти даром. Столичная интеллигенция тогда голодала. Николай Оцуп в «Литературных очерках» вспоминал: «Литераторы, чтобы не умереть с голоду, читали лекции в самых странных учреждениях... например, в Балтфлоте, где матросы задавали лектору самые невероятные вопросы, нередко и нецензурные. Литераторы посмелее, например, Борис Пильняк и некоторые другие, ездили за хлебом за тысячи верст на буферах, на крышах вагонов, как едут на войну».

Вместе с интеллигенцией в богатое хлебом Прикамье отправлялись и питерские рабочие, один из них — Иван Уповалов — рассказывал:

«Пароход, на котором я ехал, был вплотную набит мешочниками... Все они были с озабоченными лицами, у всех у них была одна мысль: скорей бы добраться до берегов Камы, достать продукты и благополучно добраться домой, что, конечно, не всегда и каждому удавалось».

Немало было случаев, когда красноармейцы отбирали у рабочих так трудно добываемую ими муку, и были случаи, когда рабочие или их жены, в припадке отчаяния, тут же кончали свои счета с жизнью...

Так доехали мы до Сарапуля. Здесь нам заявили, что пароход дальше не пойдет. На мой вопрос, долго ли мы будем стоять в Сарапуле, комендант парохода, балтийский матрос, ответил мне, что неизвестно...

И я сошел на берег и тронулся пешком в Воткинск»³.

В Алнашах после немецкого плена и ранений отдыхал у родного брата офицер-сапер Молчанов — будущий начдив ижевцев. В Ижевске с женой-дворянкой и малолетними дочерьми зарабатывал на жизнь полковник Федичкин — будущий командующий Ижевской Народной армией. Там же оказались Де-Леврон, прибывшие из Финляндии Стельницкий, Шишковский и другие офицеры. В Воткинске в связи с развалом армии устроился на завод полковник Юрьев, будущий главком воткинцев.

На Каме в первое лето гражданской войны купался и загорал корнет Ухтомский. Мальчик-аристократ скоро на очень непродолжительное вре-

ма возглавит Сарапульскую Народную армию. Дальнейшая судьба юного представителя древнего рода князей Ухтомских не выяснена. Известно только, что в 1921 году в Петрограде чекисты расстреляли 60 человек столичной интеллигенции. В их числе — выдающийся поэт «серебряного века» Гумилев и князь Ухтомский, работавший в Эрмитаже и казенный, как гласило официальное сообщение, за доставление за границу сведений о деятельности петроградских музеев.

В Царском Бору под Воткинском — у камских Костоват и Усть-Речки — на лето сняли дачи петербургские и московские журналисты и литераторы Г. Л. Миленко, Н. М. Тарабукин, А. Я. Гутман-Ган и А. С. Фовицкий, публиковавший свои статьи в столичной печати под псевдонимом Альфа.

Близ Царского Бора, в Усть-речке стоял «Приезжий дом», представлявший собой большую господскую усадьбу, верандой обращенную к реке, с широкой деревянной лестницей, спускающейся к дебаркадеру с надписью «Воткинский казенный завод». На верхнем этаже «Приезжего дома» были комнаты для приезжих, а на нижнем этаже — комнаты для прислуги и столовая. На берегу дымила коптильня для камской рыбы.

Ожнее «Приезжего дома» белели четыре господских дачи с башенками и балкончиками, принадлежавшие горному начальнику, управителю, смотрителю и механику Воткинского завода. Дачи эти были очень старыми и существовали, видимо, еще при Чайковском. Сюда, в Усть-речку приезжал маленький П. И. Чайковский на испытание первого воткинского парохода «Астрабад». Дача Чайковского на Каме и три другие господские дачи сгорели в гражданскую войну. Именно здесь шли ожесточенные бои с повстанцами, а рядом был понтонный мост, по которому ижевцы и воткинцы уходили за Каму.

Царский Бор, площадью 10 на 3 версты на Генеральном плане Воткинского лесничества был отмечен красной краской. Он возвышался на стометровых откосах Камы. По преданию, в заповедном бору заготавливали корабельный лес для флота Петра I. Значительную часть бора составляли реликтовые сосны-гиганты двухсотлетнего петровского возраста с более чем метровым диаметром ствола, очень длинными иглами и пышной кроной. Царский Бор тщательно охранялся лесниками, рубка здесь не велась с самого основания завода. Судьба Царского бора печальна: в 1939–1960 годах реликтовые великаны на чисто вырубят для нужд завода.

В фильме Н. С. Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино», созданном по мотивам пьес А. П. Чехова о дачной жизни интеллигенции, известный артист Анатолий Ромашин внес в реплики своего героя — столичного дачника-интеллигента — фразу о воткинских Костоватах: «В деревне Костоваты выпал град. Некоторые градины достигали величины куриного яйца». Самому Чехову в Костоватах бывать не пришлось. Один раз он проезжал мимо Костоват, второй раз останавливался на Каме, но ниже, возле устья реки Иж⁴. Ромашин же, будучи московским школьником, в годы Великой Отечественной войны был с родителями эвакуирован в Костоваты. В те годы Царский Бор, как и вишневый сад у Антона Павловича, не успели еще вырубить, и будущему московскому артисту,

как он сам рассказывал на встрече со зрителями в ижевском кинотеатре «Россия», Царский Бор напоминал дачные места чеховских героев, их диалоги среди летней природы, их мечты о том, что грядущее поколение посадит новые деревья, и они будут лучше прежних. Судьба распорядилась так, что Ромашин погиб у себя на даче: его придавило дерево, неловко спиленное им. Кстати, в фильме на дачную тему Ромашин играл вместе с замечательным русским актером Юрием Богатыревым: его отец был родом из-под Воткинска, а сам Богатырев некоторое время учился в ижевской школе № 27.

Один из столичных дачников-костоватовцев — Алексей Фовицкий — в омской газете «Ижевско-Воткинская годовщина» за 17 августа 1919 года дал следующую зарисовку своего прерванного отпуска под Воткинском в то первое лето гражданской войны: *«Маленькая вятская деревушка, утопающая в конопле и ржи, прислонилась к темному бору... А он красной глиняной дорожкой сбегал к Каме. Звонкие голоса ребят на отмели. Рыбачьи челны, далеко звучащие по воде. Грибы, малинник... Благодать! Мы приехали в этот маленький рай... оставя позади себя разоренный город, изуродованные стены Кремля, полные голодных мешочников...»*

Но и здесь начались репрессии: недалеко от Костоват, в Сарапуле, большевики поставили для интеллигенции «баржу смерти» — в тюрьмы бросили около двухсот человек — офицеров, адвокатов, врачей, преподавателей, журналистов, в том числе кадета Толстого — родственника известного писателя А. Н. Толстого. По словам петербургского журналиста Анатолия Гутмана-Гана, в тихую июльскую ночь узников баржи убили и сбросили в Каму⁵.

В августе разразилось Ижевско-Воткинское восстание, и отдыхающие в Костоватах столичные литераторы не вернулись в Питер и Москву, они отступили с ижевцами и воткинцами на восток, организовывали спектакли-концерты «с участием лучших сил для солдат Ижевско-Воткинских заводов» и редактировали повстанческие газеты. Петербургский присяжный поверенный и журналист Г. Л. Миленко рассказывал: *«Сегодня я писал статью, другой рыл окопы, третий занимался в школе, четвертый — в мастерской, на завтра все мы, услышав тревожный гудок, бросали свои перья, лопаты и станки, бежали к штабу армии и оттуда, получив винтовки, отправлялись в бой... И если год тому назад я думал, что «маленький, глухой городок далекого Прикамья станет известным всему культурному миру», то теперь я убежден, что этот «маленький городок далекого Прикамья» никогда не будет забыт культурным миром»⁶.*

Характерно, что само название «Белая гвардия» имеет «интеллигентское» происхождение — так именовался отряд столичных студентов в октябре 1917 года. По заявлению видного руководителя ЧК М. Лациса, не только Добровольческая армия на юге, но и «на Восточном фронте белая гвардия состояла из учащейся молодежи, офицеров, учительства, лиц свободных профессий и прочих мелкобуржуазных элементов»⁷. Руководители Белой армии состав своих сторонников характеризовали точно так

же, подчеркивая, что «офицеры, студенты, интеллигенция должны составить их контингент»⁸.

Кадровых офицеров к 1917 году осталось очень мало. Более 90% составляли «офицеры военного времени». Офицерский корпус соответствовал числу лиц, имевших какое-либо образование: все такие лица призывного возраста, годные по состоянию здоровья к военной службе, становились офицерами. Офицерские погоны носила вся молодая русская интеллигенция.

Странным исключением в интеллигентско-казачьем ядре белого движения с самого начала гражданской войны выглядели ударные части рабочих-добровольцев Ижевского и Воткинского заводов, возглавляемые интеллигенцией.

Это потом красные, а затем белые начали проводить мобилизацию, и состав армий противников стал сходным, во многом потеряв свое «социальное лицо». Сначала же состав участников белого движения был представлен в основном интеллигенцией и наряду с казачеством определял ее «классовый» облик.

Ижевцы и воткинцы на востоке дрались с красными дольше, чем «чисто интеллигентские» части на юге, составленные из образованных слоев, в том числе почти детей: гимназистов, студентов, юнкеров, кадетов. «Интеллигентские полки» были «сброшены» Красной армией в Черное море в 1920 году, а «рабочие полки» «опрокинуты» в Тихий океан в 1922 году.

В день первой годовщины октябрьской революции молодая Красная армия подарила Ленину Ижевск — «осиное гнездо и цитадель великодержавной великорусской помещичьей культуры»⁹. Приказано было даже держать прямой провод с Кремлем для немедленной передачи Ленину сообщения о падении «помещичьего» Ижевска: торжественно отмечалась первая годовщина власти рабочих. Взятие Ижевска совпало с известием о революции в Германии.

По признанию красного командира А. П. Кучкина, «едва ли за гражданскую войну был такой ожесточенный, такой озверелый бой, как в эту решающую схватку под Ижевском. Разве только сравним... непревзойденный по своей грандиозности бой за Перекон», после которого «интеллигентские полки»¹⁰ белых были опрокинуты в Черное море и бежали в Константинополь и Париж.

Ко второй годовщине революции участь быть подарком Ленину ожидала столицу Колчака Омск, к третьей — последний оплот белых на юге — Крым. Четвертая годовщина прошла без яркого подарка. К пятой годовщине Красная армия должна была освободить последний клочок русской земли, преподнести своему вождю Владивосток «и на Тихом океане свой закончить поход».

Таким образом, по аналогии с символом Красной армии — пятиконечной красной звездой, в гражданскую войну новая власть отметила пять главных красных годовщин пролетарского календаря: первая пришлась на штурм Ижевска, а последняя — на взятие Владивостока.

Ударными частями белых во Владивостоке в 1922 году по-прежнему оставались сильно поредевшие, но все еще не «ликвидированные» полки ижевцев и воткинцев, в составе которых находилось много рабочих и интеллигенции в погонах — офицеров. Они сражались до конца, пока не были выброшены на чужбину. *«Маленькие отряды белой армии, ушедшие из Прикамья, не только защищались от красных, но даже сами шли в наступление, — рассказывал о «великом исходе» русской эмиграции за пределы родины американский историк из Вашингтона Виктор Петров. — Памятны Хабаровский поход того времени и славные Волочаевские дни и ночи, когда малочисленные белые силы, состоявшие из рабочих Ижевского и Воткинского заводов и учащейся молодежи — студентов, семинаристов, гимназистов, реалистов и кадетов, — укрепившихся на Волочаевских позициях, упорно отбивали волны красных орд, бросавшихся на них командармом Блюхером... И только когда все патроны были израсходованы и появилась угроза окружения, белым пришлось начать отход назад в Приморье».*

Во Владивостоке комендантом города был ижевский генерал Молчанов. Один из районов Владивостока до сих пор называется «Ижевской слободкой». Вместе с интеллигенцией ижевские и воткинские рабочие эмигрировали в Китай и Америку.

Точка зрения советской историографии о том, что Ижевско-Воткинское восстание было поднято не столько рабочими, сколько буржуазией и мелкобуржуазными элементами, отчасти верно, если под буржуазией понимать интеллигенцию. Что соответствовало воззрению большевиков в годы гражданской войны. И что подтверждает мнение академика Лихачева: октябрьская революция в первую очередь была направлена против интеллигенции, как носителей и хранителей культурной традиции, но отразилась на всех слоях общества, в том числе на рабочих.

Примечания

1. Волжская военная флотилия в борьбе за власть Советов. 1918-1919: Сб. док. Горький, 1979, с. 119.
2. Цитирую по данному мне на время И. А. Добровольским его машинописному тексту «Заметки по истории конструкторского отдела Воткинского завода». Воткинск, 1988. С. 123-124.
3. Уповалов И. Г. Как мы потеряли свободу // Заря. Берлин, 1923. Кн. 3. С. 78-79. Вокруг Ижевска прокатилась волна крестьянских восстаний против рабочих продотрядов из Питера и Москвы. Столичные отряды отбирали хлеб на камских пароходах у мешочников-рабочих, прибывших из центральных губерний, отбирали и в деревнях. С крестьянами, а позже и ижевскими мятежниками воевали части Продовольственной армии Засмановича, составленной из питерцев и москвичей. Судьба Засмановича необычна. В 1918 году он командовал Продовольственно-реквизиционной армией, затем — Конвойной дивизией ОГПУ. Чекист пережил 1937 год, попал в плен к фашистам и, рядом с генералом Д. М. Карбышевым, был превращен в ледяной столб в нацистском лагере Маутхаузен.
4. Жена Чехова и уроженка Глазова О. Л. Книппер вспоминала: "У пристани Пьяный Бор (Кама) мы застряли почти на сутки и ночевали на полу в простой избе... На Антона Павловича эта

ночь, полная отчужденности от всего культурного мира, ночь величаявая, памятная какой-то покорной, серьезной сдержанностью и жутковатой красотой, и тихим рассветом, произвела сильное впечатление, и в его книжечке, куда он заносил все свои мысли и впечатления, отмечен "Пьяный Бор". (А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1954. С. 601). Летом-осенью 1918 года в Пьяном Бору стояли самые дальние огневые точки "ижевских рабочих и интеллигентов всякого сброда".

5. Гутман-Ган А. Я. Ижевское восстание // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Кн. 3. С. 148-160.
6. Ижевско-Воткинская годовщина. Омск. 1919. 17 (4) августа. С. 2.
7. Лацис М. (Судрабс). Чрезвычайные комиссии в борьбе с контрреволюцией. М., 1921
8. Белое дело. Берлин. 1926. Т. 1. С. 79.
9. Сергеев-Артем. Красная кузница. - Правда, М., 1921. (Перепечатка: Что думают об ижевцах в центре // Ижевская правда. 1921. 2 февраля).
10. Кучкин А. П. К истории Ижевского восстания // Пролетарская революция. М.-Л., 1929. № 6. С. 156.